

ГОИТ

Газета о нашей гимназии

11 ноября 2022 года № 5 (278)

ЗАПИСКИ С ГУМТРАКТИКИ

**“ТРИУТ СПОКОЙСТВИЯ,
ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНЬЯ”**

От корреспондента

Человек, внимая чудодейственным звукам природы, осматривая многолетние реликвии знаменательной эпохи, осязая белокаменные стены величественных монастырей и свежесть травы на холмах у берега, невольно обретает неземное спокойствие. Он проходит процесс единения с повесой-ветром, с мирным шепотом деревьев, с безмятежным, размеренным потоком загородной жизни. Когда человек привыкает к бессуетности, ленивое созерцание тяготит: мы жаждем творчества! Мы отправляемся в музеи, усадьбы, на экскурсии, чтобы заставить сознание загореться новой идеей, начать мыслить, ловить моменты и образы. Такой процесс нам не труден, мы сами тянемся стараться, чувствовать и ощущать больше. Когда это состояние приходит к тебе, то превращает простого созерцателя в творца.

Шестидневный визит в Пушкиногорье - литературно-исторический праздник. На берегах "сих молчаливых вод" приходит муза вдохновения, подобная пушкинской. Но трудно сложить все впечатления в сочинение да так, чтобы из этой ручной работы вышло хоть что-то путное.

У ребят нашего 10Г класса тоже было такое творческое задание, к которому мы отнеслись как к школьному обязательству сначала. Но у наших творцов получились такие талантливые, полные, насыщенные работы, в точности описывающие наш псковский быт, впечатления от поездки, что я не могла не собрать эти эссе и онегинские строфы и не опубликовать их в отдельный выпуск школьной газеты.

Екатерина Филиппова

***

*Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Я все же яблом, не хорею
Хочу рассказ свой возвестить.
В Пушкиногорье этим летом,
В местах воспетыми поэтом,
Была я счастлива вполне
Гулять с друзьями в тишине.
В музеях нам бывать не ново,
Так, если правду вам сказать,
Чтоб ночи напролет болтать,
Ко сну мы ждали позывного.
Но только чтоб заснул сперва
Всех устрашающий Каца.*

Мария Ли

«Минувшее меня объемлет живо»

Есть на земле места, с которыми сближает невыразимое чувство родства. Трудно даже объяснить, что именно тронуло твою далекую струну души. Воспоминания пленяют сознание, захватывают все твое существо. Кажется, ты помнишь даже мельчайшие подробности, а закрыв глаза снова погружаешься в ту непередаваемую атмосферу. Путешествия, несомненно, - источник жизни и вдохновения: мир открывается неизведанной стороной. А фантазии и мечты становятся необходимым, твердым знанием и бесценным опытом.

Впереди девять часов. Но меня долгие переезды не утомляют, не знаю, почему...

Машина, покачиваясь, едет быстро. На плохих участках дороги машину сильно встряхивает, и голова невольно

бьётся о стекло. Время летит незаметно. Может быть, дорога — это неотъемлемая часть души русского человека...?

Дороги такие разные: извивающиеся и прямые, холмистые и ровные, проселочные и городские, но во всем им положили начало те пути, по которым ездили наши предки, и А.С. Пушкин в том числе! Дороги пронизывают всю Россию, и все они бесконечно длинные... В богатом воображении слышится звон колокольчиков, всплывает образ белоснежной тройки, или видишь перед глазами уставших почтовых лошадей, которых выдавали только при наличии у проезжающего дорожного паспорта.

Из шумной, суетливой Москвы мы въезжаем в спокойный, умиротворенный Псков. Здесь течет и текла иная жизнь, совсем не похожая на ту, к которой привыкли. Прежде всего это ощущается, когда начинаешь знакомиться с псковской церковной архитектурой и Кремлем, которые поражают своей монументальностью и прагматизмом. Именно эта простота и суровость и вызывает чувство смирения и... восхищения? Храм и окружающая среда парадоксально дополняют друг друга. Природа вокруг - живая, изменяющаяся, тленная. Тонкие хрупкие деревья, низкие, гнущиеся к земле домики вокруг - все это будто меркнет перед стремящимся ввысь, прошедшим через многие века псковским храмом. Узенькие окошки-бойницы, правильная кубическая форма, белая известняковая плита, темная восьмискатная крыша - неизменные черты этих аскетичных церквей. Соборный стиль целостен, и ничего лишнего ни внутри храма, ни снаружи! Храмы, в основном, одноглавые, и в этом словно отражаются черты готики, неустанное стремление рассеять небо золотым крестом. Они обращают весь внутренний духовный порыв в голубую высь.

Большинство башен псковских оборонительных сооружений располагаются вблизи рек: Великой или Псковы. Особое впечатление производит Гремячая башня. Она построена на обрывистом валу, и у самого ее подножия

течет Пскова. Позади прячется старинная церковь Косьмы и Дамиана XIV века. Сама башня построена с участием итальянских мастеров, и она соединялась Верхними решетками (каменной стеной с водобежными воротами, которые закрывались в случае опасности) с Никольской башней. В Пскове этот способ защиты широко применялся во время вражеских нападений.

Неизменными нашими попутчиками были аисты, сопровождавшие нас по всей Псковской области. Эти грациозные, величественные птицы иногда очень надолго замирали, так что создавалось ощущение, что это памятник, а не прожорливый хищник.

До главного усадебного дома надо идти прямой, нагретой солнцем дорогой. С одной стороны видно покосенное поле, заканчивающееся холмами, в том числе и городищем Воронич, с другой - рядом высажены пышные кусты шиповника. Нет высоких деревьев, преграждающих твой взгляд, чувствуется полная свобода.

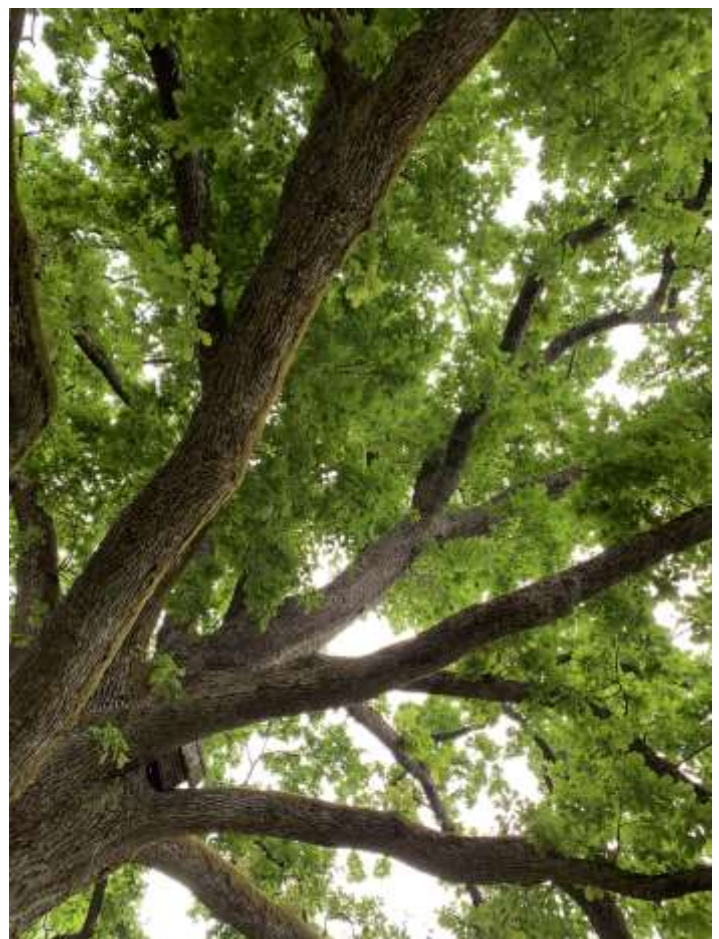
С безжалостно палящего солнца мы сразу нырнули в тенистую прохладную аллею. Вдали почти сразу же среди часто посаженных густых деревьев мелькнул таинственный, но долгожданный белый силуэт. Глядя с замиранием сердца на скамью Онегина, невольно соглашаешься, что именно здесь «...приют спокойствия, трудов и вдохновенья». Бросив взгляд вниз через скамью, видишь внизу протекающую речку Сороть. Ее окружают высокие, поросшие лозняком, берега. Очень живописные места! Думаю, любое место пушкинского заповедника могло бы стать излюбленным для художников. А, впрочем, в бывшем льняном хранилище второй половины XIX века уже расположена выставка картин. Художники XIX и XX веков, начиная от самых простых материалов, таких, как карандаш, заканчивая масляными красками, по-разному выражали свою любовь к А. С. Пушкину и этим прекрасным усадьбам.

Было большим удовольствием гулять среди каскадов, где как раз был период цветения водяных лилий. Белоснежные, они безмятежно покачивались на черных водах прудов.

Сильно врезался в память тот уединенный четырехсотлетний дуб, который выжил после немецкого блиндажа в его корнях... Возникает ощущение, будто сами деревья пытаются воскресить воспоминание о великом поэте. Они не просто вековые, рассеченные огромными дуплами кривые дубы, находящиеся на краю жизни и смерти. Они одухотворены, они хранители многих тайн, частичка того далекого, таинственного времени...

«Деревня — это природа. Деревья, травы, кусты, птицы и звери. Пушкин любил эту землю. Он ходил по лесу без сюртука, в рубашке, часто на босу ногу, в ветер, и дождь, и прохладу, и не только когда было тихо и жарко. Он видел, что в природе всё безгранично и почти ничто в ней не меняется. Она вечность. Это только мы меняемся, люди.» (С. С. Гейченко)

Евгения Абоймова

«Приют спокойствия, трудов и вдохновения»

Самое сложное в любом произведении - это вступление. С чего начать? Казалось бы, есть идея, есть вдохновение, есть план повествования, но чистый лист всё ещё давит своей пугающей пустотой. Разные люди справляются с этим по-разному. Некоторые начинают с банального «в этом эссе я хочу поговорить о...», некоторые, как Пушкин, обходятся и вовсе без вступления - выбивают дверь с ноги, «мой дядя самых честных правил» и поехали. Художники же, чтобы избавиться от боязни чистого листа, заливают его краской.

Утром двадцать девятого июня мы оказались у Петровского. Из-за покосившегося заборчика открывался вид на имение. Он чем-то напоминал картину Жуковского «Усадьба летом», хотя если подумать сходства было довольно мало. Такие же колонны, клумбы и лес на фоне, но больше ничего. Экскурсовод провела нас в усадьбу. Тут и там сидели девушки с мольбертами и красками. Мысленно я успела к ним присоединиться, и нанести холодный бледно-голубой силуэт на холст, но нас вывели в парк, и работа оказалась незакончена. Вместо неё быстрыми штрихами вырисовывались огромные ветвистые деревья, прямые аллеи, ярко-розовые пионы и бродящий между ними аист. В глубине парка бледным призраком возвышалась беседка, за ней раскидывало свои крылья озеро, а по ту его сторону белел крохотный домик Пушкина. Здесь вообще много озёр. Хотя Пушкин писал про «двух озер лазурные равнины», мне кажется, их было гораздо больше. Хотя, наверное, кто-то просто не умеет считать, и это явно не Пушкин. В какой-то момент я не выдержала, села под куст пионов и начала рисовать уже по-настоящему. Кусты пионов вообще прекрасное место для рисования. Возможно, я бы написала и стихотворение, но неугомонный Леонид Александрович гнал нас вперёд. Для стихотворения мне нужно время, а в живописи я поклонница импрессионизма. Импрессионизм - впечатление. Впечатление занимает лишь один миг, а это не так много времени. Хотя всё

зависит от конкретного мига, потому что среди них попадаются особенные, которые могут длиться вечно. Хорошо, что у Пушкина не было нашего историка, не то бы стихов у него было не так много.

В Михайловском рисующих было ещё больше. В отличие от Петровского, где усадьба стояла практически сразу за покосившимся забором, здесь, чтобы увидеть дом нужно было пройти по парку, а там было на что посмотреть. Многочисленные пруды, ручьи, мостики, кувшинки, высокие деревья... Всё это будто бы сошло с одной из картин Моне. От усадьбы открывался вид на холмы, поля и мельницу. Когда-то о ней Пушкин писал, что она «скривилась» и «насилу крыльями ворочает при ветре», но сейчас она стоит новенькая и красивая, а вокруг неё толпятся люди. Я решила не убирать блокнот и зарисовывать всё по ходу экскурсии. Здесь я начала жалеть, что оставила краски дома. Хотя времени всё равно бы не хватило. Что мне не нравится в подобных поездках, это постоянное отсутствие времени. Пушкин писал о Михайловском как о приюте спокойствия, трудов и вдохновения. Труды - вижу, вдохновение - в достатке, а спокойствия как не бывало! Нас всегда куда-то гонят, мы вечно куда-то опаздываем, а потом оказываемся в номере уже в шесть, и, хотя до Михайловского рукой подать, с территории гостиницы нам выходить строго запрещено. Я снова посмотрела на вид, открывающийся с заднего двора усадьбы. Что в Пскове прекрасно, так это холмы. И дали. Мне кажется, что, если в картине «Странник над морем тумана» туман бы вдруг рассеялся, виды там были такими же. На меня опять накатывает вдохновение, но нас вновь гонят дальше от холмов, прудов, прекрасных высоких и ветвистых деревьев, диких цветов, ручьёв и мостиков через них.

Последней нашей остановкой стало Тригорское. Возможно, вас удивляет, что я ещё ни разу не описала интерьер самих усадеб. Честно говоря, я считаю их совершенно не нужными. По крайней мере здесь. А почему, я могу объяснить

эпизодом из «Заповедника» Довлатова: «Личные вещи Пушкина?.. Музей создавался через десятки лет после его гибели... Мало вам природы? Мало вам того, что он бродил по этим склонам? Купался в этой реке. Любовался этой дивной панорамой...». Очень мало вероятно, что Пушкин вдохновлялся своим рукомойником, а тем более, рукомойником, который «воссоздаёт атмосферу его эпохи». Поэтому я и описываю природу. Ладно, к чему лукавить. Я описываю природу, потому что она вдохновляет и вдохновила меня. В Тригорском парк был ещё лучше, чем в предыдущих имениях. Огромные вековые деревья, аллейки, скамейка у самого края холма и наклонившееся над ним дерево, каскад прудов... Если бы красивые виды были цветами, можно было собрать целый букет. Но особенно меня впечатлил один из прудов. Тёмный, с

высокой травой у кромки, покрытый белыми кувшинками, и с небольшим, заросшим мхом мостиком... В таких прудах всегда водятся русалки. Перед глазами ясно встала картина Крамского. Как выяснилось позднее, предание о русалках в этом пруду существовало и во времена Пушкина, чему я про себя обрадовалась. Я бродила между высоких лип, стараясь зарисовать всё, что видела, а это оказалось, к моему

страшному изумлению, довольно-таки сложной задачей. А нас гнали дальше-дальше...

Заканчивать зачастую так же страшно, как начинать. Пушкинские горы запомнились мне своей невероятной живописностью и цветами, причём цветами во всех смыслах. Написать стихотворение об этом мне так и не удалось, но где-то в блокноте у меня всё ещё хранятся зарисовки усадьбы,

увитой плющом, кувшинок, мельницы, куста сирени у окна, пионов, мостиков и прудов... Приют поэта стал приютом художника.

К.А.А.

*Кацва был самых редких правил,
Когда на практику прибыл,
Он всех вокруг страдать заставил,
Но недовольней всех бубнил.
Его пример другим наука:
Но, Боже мой, какая скука
Бурчанье слушать день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Не дать воды нам покупать,
Всех наших гидов осуждать
И называть их речь дикарством,
Вздыхать и думать про себя:
«Когда ж домой поеду я!»*

*Когда решил же отступиться
От странных правил наш герой,
Тогда Зевес уж удивился
И дождь пролил с небес рекой,
Медведя дабы не калечить.
Кацва решил не беспокоить
Богов небесный пантеон
И больше добрым не был он.
Не дал спокойно нам проститься
В конце поездки в город Тсков,
Не избежали мы оков
Отбоя. Не смогли беситься,
Вздыхать и в дурака играть –
Он грозно всех отправил спать.*

Алекса Гончарова, 10г

«Заповедник»

Эссе по впечатлениям от поездки

“В начале было Слово, и слово было...Пушкин”,- поняла я с первой минуты пребывания в Пушкиногорье.

В Михайловском, как и в Тригорском и Петровском, как и в любой точке Пушкинских гор, царил культ Александра Сергеевича. И если раньше это не было столь заметно, то в Михайловском изображение Пушкина встречалось на каждом камне, каждой стене и каждом магнитике в сувенирном магазине. Пушкин был их кумиром, верховным божеством, их личным брендом. Казалось, что даже в лае бродячих собак и в жужжании слепней угадывалось: “Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...” Пушкина любили слепо и безумно, даже не зная за что и кого любят. Читая довлатовский “Заповедник”, такое “пушкинолюбие” казалось мне забавным, однако в реальности это начинало пугать. Экскурсоводы рассказывали (будто жужжали вместе с роем насекомых) выученный наизусть текст, как молитву, как мантру: “Впервые Александр Сергеевич Пушкин посещает Михайловское в тысяча восемьсот восемнадцатом году, он...” Поэт был для них красивой птичкой за стеклом, яркими перьями которой все любовались, проходя мимо, забывая, что птица умеет петь. Такой “застекленный”, лоснящийся и блестящий Пушкин встречал наш класс почти на каждой экскурсии. От количества клише, эпитетов “великий”, “божественный”, “талантливейший”, в глазах начинало темнеть.

Уставшая от жары и монотонной речи экскурсовода, я вошла в кабинет Пушкина и замерла. В свете лампы и редких солнечных лучей, в полумраке комнаты с пыльно-зелеными стенами, я наконец-то увидела живого поэта. На стенах висели черновики романа, написанные мелким, неровным почерком. Буквы прыгали, строчки были зачеркнуты и переписаны несколько раз, на полях - бесконечные лица-лица-лица, женские и мужские, нахмуренные, улыбающиеся и пустые, в шляпах и без.

Пушкин-волнующийся, кусающий перо, вновь и вновь перечеркивающий написанное, Пушкин-человек показался мне гораздо более настоящим, чем до лоска выбеленный, вычищенный образ, обожаемый экскурсоводами здешних мест. После пушкинского кабинета я начала замечать и ценить такие мгновения "Пушкина не за стеклом", и вновь заметила лишь в Тригорском.

В Тригорском нами славно отобедали комары. "И хоть бесчувственному телу равно повсюду истлевать", умирать в псковских окраинах не хотелось, поэтому, отмахиваясь от надоедливых насекомых всем, чем можно: шляпами, блокнотами с конспектами, мы побежали к имению Осиповых-Вульф. Темно-синие стены, темно-синие шторы кабинета Трасковьи Александровны, ее портрет над креслом, уют, тишина и спокойствие. Время здесь остановилось: в один миг затихла музыка фортепиано, голос Александра Сергеевича, читающего свои стихи, смех и песни тригорских барышень, остался лишь мерный стук часов, метроном неумолимо летящего времени.

В Бугрово я вновь столкнулась с тем, что видела в музее Довлатова. Среди умиротворенной, гармоничной природы, всматриваясь внимательнее, я печально замечала "езде невежества убийственный позор". Прекрасный пруд, где утка с утятами деловито пытались что-то поймать, почти полностью покрытый кувшинками,

мельница, огороды с репой, полбой, картофелем, льном, залитый солнцем лес контрастировали с ужасающими историями экскурсовода. "Ну, сначала двенадцатилетняя жена колотила мужа. А потом он ее... Такое вот у нас равноправие..." - разводила руками она, встречая наши недоуменные взгляды. Крестьяне: невежественные, неграмотные, верящие в мифических существ, в банника, которому оставляли третий пар, почти всегда живущие в лишениях и горестях, вызывали в моей душе боль: " Душа моя страданиями человечества уязвлена стала".

Писать птичьими перьями, не имея аккуратного почерка даже с шариковой ручкой, - идея, обреченная на провал. Я тщетно пыталась выводить буквы на листке бумаги, но клякса, вторая, третья, - и все руки стали полностью синими. С завистью наблюдая за тем, как моя подруга пишет каллиграфическим почерком какое-то стихотворение, я поймала себя на мысли, что быть поэтом, имея в распоряжении компьютер, гораздо удобнее, и посочувствовала Пушкину и остальным поэтам, которым приходилось мучиться с чернилами и перьями.

Шесть дней Пушкиногорья не прошли-пролетели. *"Минувшее меня объемлет живо, и, кажется, вечер еще..."* бродила я в этих рощах, пытаюсь подобрать рифмы для своих онегинских строк, а уже вновь приходится собирать вещи и уезжать. Вокзал, стук колес и прощание - с Пушкиногорьем, но не с Пушкиным. Не с Пушкиным потому, что поэт живет не в бесконечных лицах на стенах и сувенирах, не в ленивых речах экскурсоводов, даже не в памятниках. Пушкин, у каждого свой, живет у каждого в душе, нужно лишь найти его в себе, и за эти шесть дней я, кажется, его нашла.

Варвара Жигулина

***

Прощай, Москвы моей надменной
Столичный гомон, блеск и шум,
И вновь raison души смятенной,
Предмет моих тревожных дум—

Дорога. Бесконечны дали
Бетонных стен... Прощайте, vale!
Пора покинуть мир людей
И в поэтическую сень

Сокрыться и забыть обиды,
Тревоги, страхи, гнев— все тлен!
Сбежать к природе в дивный плен,
Знать два стиха из Энеиды

(Вновь из "Онегина" строка),
Поездка будет нелегка.

...

Пушкиногорья воздух знойный
Тяжел и душен, словно мед,
Но, странно, дышится привольно...
И чист бескрайний неба свод.

Петровское: ограды, клумбы,
Фасад кирпичный цвета умбра,
Дорожек витых стройный ряд
И зеленеющий наряд

Усадьбы дома Ганнибалов.
Белеющая балюстрада
Колонн изящных, роскошь сада,
Пионы—россыпь минералов:

Рубины, жемчуг, розы цвет,
Но вот, мы едем на обед.

• • •

*Спешим в Михайловское, здесь
Рой комаров и слепней рой.
Темнеет небо... их не счесть,
Не обойти их стороной!*

*Старинный вяз, природы храм,
Стоит, покорствуя ветрам,
Но не один во всей Вселенной,
В земле сей боговдохновенной.*

*Аллея Керн— уют прохлад.
Стихи среди *tilleuls jolies*
Цитируя, мы долго шли.
Совсем не на любовный лад*

*Душе настало пробужденье:
Будильник! Я в изнеможенье!*

• • •

*Бугрово: пальцы все в чернилах,
За буквой букву выводя,
Пишу письмо, как это мило!
Потом, немного погодя,*

*Стоим в гумне. И в полутьме,
И в увлеченья тишине,
Лен мнут, цепами бьют зерно,
Как будто в прошлое окно*

*Экскурсовод нам прорубил:
В Тригорском все хранит тот вид
Что и сегодня вдохновит,
Что и поэта вдохновил*

*На образы в своем романе.
Мы посочувствовали Пане,*

• • •

*Которой, бедной, далеко
Бежать пришлось, и спотыкаться:
По лесу бегать нелегко.
Когда устали мы ругаться
На слепней, оводов и ос,
Автобус наш (почти обоз)
К вокзалу едет, наконец!
Но мой желания венец —*

*Остаться: на день, два — хоть малость!
Творить, писать, успехи видеть,
Любить поэта, ненавидеть
Жару, укусы и усталость.
Вновь поезд, лампы фонарей...
И время гонит лошадей.*

Варвара Жигулина

«Солнце русской поэзии»

Каждый день нашего маленького путешествия был до краев наполнен солнцем и Пушкиным, пронизан ими, как солнечные лучи пронзают воду в ясный летний день. Мне кажется, эти две вещи неотделимы друг от друга. В самой поэзии Пушкина есть что-то от солнца, возможно, энергия, может быть, светлая жизнерадостность, а, может быть, естественность. Или все это вместе. По крайней мере, в моих воспоминаниях о гумпрактике в Пушкинских горах солнце и Пушкин стали единым целым.

Мы в Михайловском. Вокруг нас до самого горизонта расстилаются зеленые холмы, перемешанные с темными пятнами лесов, петляет Сорочь, словно серебристая ленточка, блестят зеркальные осколки озер. С неба, такого ярко-синего, какое бывает только летом, украшенного

тюлевыми облаками, льет свои горячие лучи солнце. Жара утомляет, но в то же время она даже приятна, когда к ней немного привыкнешь. Царит атмосфера прекрасного, упоительного, вечного лета, того самого, которое «любил бы я тебя//, Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи».

Этими же пейзажами любовался Пушкин. В воздухе витают отголоски произведений, сотворенных здесь, в этих заповедных местах, вдохновленных ими. Особенно сильно это ощущение на аллее Керн, где высокие старые деревья, помнящие двух влюбленных, гулявших в этом парке, и листок со стихами, найденный в книге, создают благодатную тень, двадцать человек хором декламируют:

*Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

и удивленное и восхищенное лицо девушки-экскурсовода.

Пушкинские горы - настоящий заповедник, где «минувшее меня объемлет живо», где можно воспринимать Пушкина не как «наше все, нашу гордость», не как абстрактного идола, а как живого человека, который словно становится твоим знакомым. Именно такие чувства у меня вызывали имения, окруженные тенистыми парками, комнаты, где поэт жил, и живописные просторы. Поэзия Пушкина всегда была для меня личным переживанием, не все произведения, конечно, но многие, а здесь их автор тоже ожил, очеловечился. Он словно сопровождал нас все эти дни, находился где-то в дружной и шумной толпе гуманитариев, которые бродили по музеям и паркам под палящим солнцем, чем-то интересовались, чем-то нет, жаловались, что они устали, веселились, фотографировались...

Но вот наступил вечер, солнце закатилось, оставив после себя «Прозрачный сумрак, блеск безлунный», Пушкин исчез

из нашего сознания, оставшись лишь в виде забавных картинок на стенах номеров, и громкий смех и крики разносятся, кажется, по всему Пушкиногорью.

А затем наступает новый день, яркий, насыщенный впечатлениями, не похожий на предыдущий, потом следующий. Время словно летит с удвоенной скоростью, как бы ни хотелось его замедлить, и, когда приходит время прощания с Пушкинскими горами, покидать их совсем не хочется. Щемящая, трогательная до слез прощальная «свечка», затем прекрасный, долгий-долгий вечер... и неизбежное окончание. Вот за окном автобуса уже разворачивается кинолента пейзажей, и вечером мы стоим на перроне. Последние часы в компании друзей, и вот гупрактика кончилась, оставив мне теплые воспоминания и, конечно, бесчисленные фотографии.

Солнце впиталось в кожу золотистым загаром, Пушкин остался в памяти в виде интересных фактов, дат, имен и других необходимых знаний, а вместе они сформировали налет вдохновения, неуловимое ощущение счастья и душевного подъема и чудесные воспоминания об интересных экскурсиях, живописных пейзажах, замечательных веселых часах, проведенных с друзьями - в общем, о нашей первой гупрактике, пока единственной и потому лучшей на свете.

Юлия Кобяцкая

***

*И вот мы в Пушкинских горах,
Проделав долгий путь до Пскова.
Пейзажи здесь красивы – страж,
И травы пахнут так медово.
И все прекрасно в сем селенье,
От комаров лишь нет спасенья,
Особенно по вечерам,
Но надо видео снять нам,
Поэтому закат последний
Решили встретить мы в полях,
Танцуя вальс в златых лучах,
Презревши комаров роенье.
С любовью это вспоминаю
И дни те в мыслях возвращаю.*

Юлия Кобяцкая

«Минувшее меня объемлет живо»

Погружаясь в царство поэзии, прежде всего погружаешься в мир Пушкина. Этот мир переносит тебя в начало 19 века. Мы посетили несколько усадеб, связанных с поэтом, каждая из них самобытна, она до сих пор дышит Пушкиным, дышит тем временем, которое закончилось два века назад. Это прекрасный мир, полный любви под сенью садов и солнечных комнат:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Бурные встречи ссыльного Пушкина и друзей, приехавших к нему: «...о Пущин мой, ты первый посетил...», «...и я судьбу благословил, когда мой двор уединенный, печальным снегом занесенный, твой колокольчик огласил».

Жизнь Пушкина, его Мир - постоянное движение, постоянное действо, главным героем которого является сам поэт. Даже в часы уединенья, когда он в одиночестве творил, с ним была его муза, муза, пришедшая к нему в ранние годы, постепенно менявшаяся, как в романе «Евгений Онегин» менялись идеалы лирического героя:

*Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок, да сам большой.*

Имена, которые мы посетили, различались своей атмосферой, которую нельзя передать на бумаге. В Тригорском мне слышались каблучки, стучащие по половицам, женские голоса, сливающиеся с шумевшими за окном деревьями, шуршанье платьев; чувствовался лёгкий свежий аромат цветов и духов. Это девичье царство, в которое Пушкин сумел так ворваться, что оставил там частичку себя, он пленил всех дам этого дома, а потом ушел в иной мир, забрав у каждой частичку её души. Аллея Керн до сих пор хранит свежесть девушки, именем которой названа. Аккуратная дорожка ведёт через деревья, которые, будто, расступаются перед человеком, кажется, пройдя по аллее, можно попасть в другой мир, мир красоты, совершенства, любви.

В Петровском совершенно по-другому чувствуется жизнь обитателей имения: кажется, что сейчас войдёт Ганнибал, очень похожий на Пушкина, с теми же бакенбардами, губами, глазами, сейчас приготовят бланманже, сейчас вбегут дети и начнут играть с деревянным фрегатом... Но дом молчит, молчат стены, молчат шкафы и интерьер, только изредка скрипят половицы, но и они способствуют тому, чтобы почувствовать 19 век в его великолепии. Ровные аллеи этого имения ведут к берегу реки, они пустынные, темные из-за крон деревьев, которые стоят грозными часовыми, следящими за нерушимостью тишины праздных бабочек, комаров, слепней. Но одна из дорожек сада струится широкой, непослушной

лентой. У нее магическое свойство: из-за иллюзии можно заметить, как человек то появляется, то исчезает, когда бежит по ней.

Михайловское - самое долгожданное из имений для меня. Оно дышало Пушкиным, им дышали деревья, тропинки, домики. «У Лукоморья дуб зелёный» - дуб стоит около домика, в котором жил поэт, его широкая крона раскидывается над туристами, закрывая от солнца. Приятно думать, что, возможно, Пушкин также сидел или стоял под этим дубом, укрываясь от ливней или палящего солнца. Дуб увековечен в поэме «Руслан и Людмила», он стал магическим символом русской сказки, необычно, что можно прикоснуться к этому древнему дереву, в которое заложен сокровенный смысл русского фольклора.

Минувшие дни подхватили, пленили нас и закружили в вальсе по комнатам, аллеям парков, тропинкам.

Мария Паршина

«Минувшее меня объемлет живо...»

Нет места на планете, которое бы не имело своей истории. Где текли бескрайние реки, теперь раскинулись пустыни, где в своей естественной красоте росли леса, теперь возвышаются стеклянные высоты, царапающие небо своим шпилем, где когда-то поэт находил вдохновение, проживал все свои эмоции в уединении и творил, создавал, рождал шедевры литературы, сейчас суматошно носятся толпы туристов. Экскурсоводы рассказывают свою программу, школьники слушают, правда с разной степенью заинтересованности, кто-то клюет носом, а кто-то не выпускает камеру из рук и старается уловить каждое слово гида, все запомнить, наполниться атмосферой легендарных Пушкинских гор.

26 июня в осьмом часу вечера с Ленинградского вокзала отбыл поезд. Поезд этот, разумеется, был наполнен людьми: мамы с детьми, молодые парни, едущие служить Отечеству,

кондуктора, машинист поезда. Но 25 полков плацкарта в тот день заняты были туристами, мы, конечно, не можем утверждать, что кроме них туристов не было в поезде вовсе, но они выделялись из общей массы. Вначале выражали свои недовольства по поводу рассадки в поезде, тогда их руководители попытались составить новые списки рассадки, но, к сожалению, детей по полкам так просто не разложишь, пришлось предоставить им свободу в выборе спальных мест. Все заняли удобные (или не очень) места. Но незадача... Полки начали быстро пустеть. Дети начали сбиваться по 4-5 человек на одну полку, вели беседы или же утыкались в свои гаджеты. (Но это ненадолго: вскоре мобильные устройства прекратили свою деятельность в связи с нестабильностью сети.) В одиннадцатом часу, после того, как свет во всем поезде был потушен, их вожак своим громоподобным голосом быстро сумел уложить всех по местам, и если не заснуть, то очень качественно притвориться спящим. Предстояла неделя... чего? Да они еще сами не представляли. Знали только, что первый раз им удалось выбраться на практику.

Проснувшись все от того же голоса, они оказались в Псковских землях. Зной и жара, жара и зной затуманивали их разум, и никакие кепки не могли защитить их от палящего солнца. Отправляясь на свою первую экскурсию в Изборскую крепость, туристическая группа была полна сил и энергии, они были готовы погрузиться во времена Рюрика, представить, как крепость растет у них на глазах, камень воздвигается на камень титаническими усилиями, как на нее нападают, как она обороняется. И это даже удавалось. Местами. Где они могли найти хоть какую-то тень, которая спасла бы их от неминуемой засухи. Водные запасы еще были, однако в первый же день они подходили к концу.

Прощай, прохладная стихия!

В последний раз передо мной

Ты утоляешь жажду. Или

Меня спасаешь в летний зной.

Добравшись до отеля, день путешественников еще не приближался к концу. В продолжение вечера было чтение "Заповедника" Довлатова. Чтецом выступил Леонид Александрович. Они все сели вокруг него и приготовились слушать. Чтение было великолепным, но ложкой дегтя в бочке меда стало отсутствие кондиционера. Дело в том, что достаточно большое количество детей, так еще и дышавших одним воздухом, быстро исчерпали запасы вечерней прохлады в холле гостиницы. За эту поездку они определенно стали во много раз выносливее и готовы к жизни на югах.

Следующие дни жара все еще стояла мертвым грузом, дождя ждала, ждала природа. Дождь выпал только на третий день их пребывания в Пушкинских горах. Но, надо сказать, что своим неожиданным приходом, он застал группу врасплох: зонты с собой взяли только самые предусмотрительные (посмотревшие прогноз погоды), так что большинству суждено было намокнуть. Пришлось отложить визит на Савкину горку и задаваться вопросами:

Последняя туча рассеянной бури!

Когда унесешься ты с ясной лазури?

Когда уничтожишь унылую тень?

Когда перестанешь печалить наш день?

Самый яркий момент экскурсионной программы — долгожданное посещение Михайловского. Это то, чего ждали абсолютно все. Тропинки, по которым иногда поэт неспешно бесцельно прохаживался, любуясь окружающей его красотой, а иногда шел напрямик к своим Тригорским друзьям, зная, что там его всегда ждет семейный очаг, за которым соберутся члены семейства, любовь, теплота, душевные разговоры, смех и много воспоминаний, которые он сохранит в сердце. Проникаясь той жизнью, невозможно забыть про Тригорское. Имение Осиповых-Вульф и сама семья стали для Пушкина идейными вдохновителями творений, которые сейчас мы перечитываем из раза в раз.

Именно эти произведения создают связь времен. К нерукотворному памятнику действительно не заросла народная тропа, и вряд ли когда-нибудь зарастёт. Как невероятно, что сейчас, приехав туда, можно найти легендарные места, прославленные благодаря писателю: аллея Татьяны, три сосны, дуб уединенный...

К сожалению, вся эта сказка обременялась невзгодами обыденной, приземленной жизни. Наверное, и самому Пушкину приходилось сталкиваться с подобного рода трудностями. Уже в первый день группе удалось познакомиться с их верными спутниками, которые будут бок о бок с ними на протяжении всей незабываемой летней практики — слепнями. Наверное, ярче всего городским туристам удалось прочувствовать фауну псковских земель в Тригорском. Это был один из последних дней практики, бывалые путешественники уже думали, что знают всё и готовы ко всему. Но аллея Татьяны поразила обилием насекомых всех...

*Мчались слепни рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...*

Но все "недостатки" местной природы легко перекрываются закатами. Закат — самое очаровательное время дня в любом уголке земли. Когда погасает дневное светило, когда умирает один день и зарождается другой, когда на хжины сходит ночи тень, тогда говорятся самые сокровенные слова, тогда душа человека открывается и сливается с потрясающими пейзажами, у одних она хочет молча насладиться мигом, у других — петь, да петь так громко, чтобы до хрипа, до сорванного голоса, до полного изнеможения.

Последний вечер, прощальный вечер, ведь со многими придется попрощаться. Сколько теплых слов было произнесено, кто-то плакал, кто-то созерцал и обдумывал

все сказанное, но никто не остался равнодушным. Тот самый 9Г, который уже таковым не является, навсегда останется в памяти каждого ученика. Так, как Пушкин и его лицейские друзья, пронесли сквозь всю жизнь братские узы лица, так и 1543 связала нетленными красными ниточками сердца ее учеников.

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам — Царское Село.*

***

*Я был рождён для жизни мирной,
Я грезил жизнь проведеть в градах,
Но, посвящаясь науке дивной,
Пришлось мне побывать в горах
Да в непростых. В далеку пору
Здесь жил поэт. Бродил по бору,
Писал творения под час,
Да ждал друзей. Ему не раз,
А три позволила судьба
С наперсниками путь свести.
Теперь опальный дом найти
Задача школьников. Ура!
Хоть слепень кровь мою вкушал,
Завет я школьный исполнял.*

Анна Скутская

«Минувшее меня объемлет живо»

Летняя практика была, наверное, мечтой каждого, кто поступал в гуманитарный класс. О поездке в Михайловское говорили все наши предшественники, как об одном из самых ярких воспоминаний школьной жизни. Целую неделю жить посреди величайшего памятника истории и культуры в окружении единомышленников, прекрасных людей, писать стихи и обсуждать любимые произведения классиков — это казалось несбыточной мечтой.

Ни два года назад, ни накануне поездки я не могла представить, как много может произойти за пять дней, как эти дни могут стать отрывком совершенно другой жизни.

Ещё будучи на практике, я уже мечтала вернуться в эти места. На экскурсиях все время не хватало возможности по-настоящему прочувствовать окружающее пространство, неспешно прогуляться по аллеям, насладиться пушкинскими пейзажами.

Каждое место Михайловского, Тригорского пытаешься оживить в своём сознании, соотнести со сценами из поэзии Пушкина и «Евгения Онегина». Гостиная Тригорского, вероятно, всегда была наполнена шумом девичьих голосов, кто-нибудь непременно сидел за старинным фортепиано, другие переговаривались, взволнованно рассуждая, ждаты ли сегодня Пушкина. Вот скамья, на которую, «задыхаясь, упала» Татьяна. Смертельно бледная, она, наконец, поднимается и вздрогнув, останавливается: вон из-за того поворота, «сверкая взорами», выходит Евгений. В кабинете поэта в Михайловском непременно допоздна велась работа, стены освещал неровный красноватый свет свечи, тихо постукивала стрелка часов, скрипело перо, пол был завален исписанными листами, стол покрыт мелкими брызгами чернил.

Довлатов в «Заповеднике» писал, что ему было важно наличие в музее хоть каких-то предметов, принадлежащих самому Пушкину. Меня же совершенно не интересовало, были ли представленные экспонаты подлинными. Весь этот мир

воспринимался мной, как некая литературная условность, очень близкая к истине, но все же не тождественная реальности. Как Михайловское Пушкина не совсем идентично имению Онегина, так современное Михайловское не идентично усадьбе времён самого поэта. Но даже оно позволяет невероятно расширить представления о жизни и личности Пушкина. Насколько более живой и эмоциональной становится в нашем сознании сцена встречи с Пушциным, когда мы видим кабинет, в котором сидел в тот момент Пушкин, дорогу, виднеющуюся через окно, ступени, по которым он выбежал навстречу лицейскому другу.

Пушкинские горы - место, в котором по-настоящему хочется жить, дышать, творить. Это «приют спокойствия, трудов и вдохновенья». Все здесь наполнено какой-то удивительной гармонией и покоем, и, вместе с тем, жизнью во всех ее проявлениях, сильной, ощущающейся в каждом уголке парка или монастыря, но такой хрупкой, что невольно задерживаешь дыхание, стараясь не разрушить потрясающее ощущение остановившегося времени, будто бы на века законсервировавшего этот мир.

В последний вечер на «свечке» Сергей Абоймов рассказывал нам про свою гуманитарную практику здесь и говорил о том, что каждое место, в котором мы были, связано для него с этими воспоминаниями. Об этом писал и сам Пушкин в стихотворении «Вновь я посетил»:

*Уж десять лет ушло с тех пор - и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я - но здесь опять
Минувшее меня объедает живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах...*

Когда-нибудь мы вернёмся уже в свои Пушкинские горы, полные тех мест, которые воскресят в нашем сознании девятый класс, всех потрясающих людей, с которыми мы прожили эти зачастую очень непростые, но совершенно невероятные пять

дней. Вот аллея Татьяны, где нас атаковало рекордное число комаров, вот гостиная Тригорского, где мы обсуждали историю вручения знаменитого стихотворения Анне Керн, вот дорога, на которой мы на двадцать голосов читали то самое стихотворение улыбающемуся экскурсоводу. Почти каждое место Пушкиногорья связано теперь в нашей памяти с прекрасными моментами первой гуманитарной практики.

***

*Деревня, где мы жили вместе
Была прелестный уголок -
Так все решили по приезде
И убедились в краткий срок,
Как водится обычно летом,
С утра вставали мы с рассветом,
Шли кофе пить, ведь без него
Нам позже выжить не дано.
Шум, хохот, беготня и сборы -
И вот к гостиницы дверям,
Где встречу назначают нам,
Мы все бежим, боясь укора
За слишком поздний наш приход,
Ведь нас уж ждали у ворот.*

*В автобус мы идём толпою,
Ждём опоздавших каждый раз,
И, наслаждаясь тишиною,
Уснуть успеем мы как раз
(Машины тряса, как известно,
Ко сну прельщает повсеместно).
И так мы едем, наслаждаясь,
Приезда мирно дожидаясь
И просыпаясь лишь затем,
Чтоб из экскурсии два слова
Из тех, что нам покамest новы,
В конспекты записать нам всем.*

*Но нам прощали наши сны,
Ведь приключенья нам новы.*

*Затем поля, пруды, овраги,
Дома, дворы, усадьбы, лес,
Конспекты, разные бумаги,
И куча фактов нам в довес.
Заметим также между делом,
Экскурсоводы очень смело
Со знанием дела говорят,
Что так дела уж обстоят,
Что Лариных портрет, к примеру,
Был точный список с добрых Вульф,
Зизи и Энн возводят в культ,
Как будто вздумалось соседу
Один в один их описать
И Лариными их назвать.*

*Но мы, друзья, простим им это,
Ведь так уж здесь заведено:
Все, что касается поэта,
Преувеличивать вольно.
Для справедливости скажу,
Что я прелестным нахожу
Поэту преданное чувство
И их простое безрассудство.
Здесь правда к преувеличенью
И восхваленью все влечёт,
Восторгом дышит и в полёт
Уносит вмиг воображенье;
Здесь в небе лирика витает
И вдохновеньем наполняет.*

*Сей мир нас увлекал все боле:
Пенистый сквер, аллеи роз,
Тулявший ветер на просторе,
Дрова и простенький обоз,*

*В комодe туфли, книги, карты,
Шам кий и два шара в бильярде,
Фортепиано, и на нем
Лежали ноты под стеклом -
В нас все предметы пробуждали
Мечты о мирной старине,
И о гуляньях при луне,
И о густом вине в бокале,
Об увядающих цветах
И чтеньи ночью при свечах.*

*Но было чувство новизны
В нас слито с чувством возвращенья,
Как будто призрачные сны
Покрyты дымкою забвенья,
Через которую порой
Проходит смутной пеленой
Тончайший отзвук прошлых лет,
Как прежней жизни нашей след.
Сей мир как будто отчий дом,
Мечта из книг, наш общий рай,
И первой юности заря,
Что нежно грезит о былом,
Исток идиллии минут,
Дом наших душ, сердец приют.*

Диана Хмельницкая

«Приют спокойствия, трудов и вдохновения»

Мы вступаем на широкий двор.

Всюду цветут пионы. Над ними впереди величественно возвышается усадебный дом, больше напоминавший дворец, подобно тому, какой можно видеть в Петергофе. Вдалеке слышен отдаленный гул грома, который гнался за нами всю дорогу до Петровского. Но он - там, а мы - здесь, в имении прадеда Пушкина - Абрама Петровича Ганнибала.

Мне кажется, именно таким я представляла себе Михайловское - тихий, мирный уголок, где все тревоги, которые скопились в душе, отступают, и приходит покой, как будто ты, путник, впервые за долгое время оказался Дома. Это странно, ведь мы не были пока ни в Тригорском, ни в Михайловском, которые поэт воспевал в своих стихотворениях, и где он нашёл тот самый приют из стихотворения «Деревня».

Где-то позади недовольно и измученно переговариваются ребята, сетуя на здешнюю мошкарку и обрызгивая себя с головы до ног репеллентами, а я усердно пытаюсь запечатлеть грандиозную усадьбу на камеру, обходя прохожих туристов, которые, судя по всему, тоже были весьма впечатлены. Экскурсовод терпеливо ждёт, когда мы будем готовы отправиться с ней в путешествие во времени, чтобы добраться до барского дома эпохи Ганнибала.

Сундуки, вышивки, портреты, старые документы, посуда... Может, и не всё из этого является подлинником, но даже копии отдают духом тех времён. Экскурсовод увлеченно рассказывает историю про Петра Абрамовича Ганнибала, Пушкина и водку. Ребята слушают её, разинув рты и увлеченно записывая. А в моей голове строчка за строчкой идут почти маршем: ко мне внезапно во время экскурсии пожаловала муза. Она вела меня по улице, по анфиладам и дальше к озеру Кучане, где мы останавливаемся у беседки-грота. Лес вокруг шумит изумрудными одеяниями, перешептываются листья и травы.

Вся усадьба имеет своё непередаваемое очарование, хочется здесь остаться дольше, чем на час, хотя бы на всё лето, чтобы

просыпаться пораньше и бежать по «исчезающей» аллее или пить утренний чай среди нежных пионов. А потом бродить по лесу, музицировать в доме Вениамина Петровича и мыслить, и всё творить и творить, потому что где иначе это делать, как не в Петровском?

Ни Тригорское, ни Михайловское впоследствии не тронули меня так сильно. В них не было той жизни, которая побуждала бы к деятельности, в них была только печаль по ушедшему поэту: посмертная маска, оставленные комнаты, где дует ветер. Здесь ходят толпы туристов, но само место пусто и тоскливо. Тоскливо мяучит здешний кот, стоит одиноко, возможно, тот самый дуб из вступления к «Руслану и Людмиле», тоскливо в доме нянюшки Арины. Препных обитателей давно здесь нет, кажется, их души тоже сюда не возвращались.

Мы идём к аллее Анны Керн и в это время начинается дождь. Даже в нем я чувствую не освежающую прохладу после долгих часов летнего зноя, а плач.

Нет. Ни Михайловское, ни Тригорское не были больше «приютами спокойствия, трудов и вдохновенья», ведь там не было Пушкина. В книгах, шкафах, в этих стенах его не было. На фортепьяно в гостиной Осиповых-Вульф больше не играла «Алина», которой Александр Сергеевич в своё время восхищался и которой посвятил «Я вас люблю, хоть я бешусь», здесь собраны «реликвии»... С горечью вспоминается сразу Довлатов: «Сперва угробят человека, а потом начинают разыскивать его личные вещи». Но ведь и в них нет толку, человека ведь больше нет.

Пушкин, он ведь не из-за вещей своих бессмертен. Не из-за отстроенных заново Михайловского и Тригорского. Он бессмертен в своих произведениях, и, напрасно, направляясь в поездку, я думала найти его следы. Все они на страницах его поэм и романов. Он всего себя отдал творчеству. Его памятник нерукотворный. Он в лирических отступлениях «Евгения Онегина», он в стихотворениях, посвящённых друзьям, Лицею,

женщинам, которых он любил... Но здесь его не было. И быть не могло.

А в моей душе всё же навеки останется Петровское с его озёрами и прудами, с его птицами и комарами, с его темными дубравами и садами. Там был мой приют трудов и вдохновенья, но оставаться там мы больше не могли. Быть может, когда я вырасту, я ещё вернусь сюда. Буду жить здесь, тоже отдавая себя в распоряжение музыки. Но это всё мечты.

А пока до этого далеко, и гумпрактика пролетела, как поезд, который привёз нас обратно в Москву. Но я постараюсь сохранить все мгновения, проведённые со своими друзьями и учителями. Быть может, в людях тоже можно найти свой приют, хотя бы и на время?

*"Патьяне голову морочил
Евгений на скамейке той".
А солнце катится уж к ночи,
Той ночи белой. Ветер, зной.
"А уж пройдем мы по аллее,
Там, где Патьяну солнце грело?"
Экскурсовод, что нас вела,
Вздохнула тяжко и пошла.
В голосев двадцать стон раздался.
"Помилуйте, там комары!
И так уж мрём тут от жары".
Но наш учитель здесь не сдался.
"Пойдемте, братцы, здесь чуть-чуть,
И мы пойдём..." (в последний путь).*

*Как тучи рои налетели,
Им нашей крови мало всё.
Плетутся дети еле-еле...
"Конец! Обратно все идём!"
Но нет уж сил в ватаге нашей.
Увы, не вдохновляет даже
Их в номерах прохлада вод,
Ни мыло, ни рожок морó-...*

Закашлялась внезапно я.
Как едкий пар, аэрозоли
Всё брызжут, изгоняя молей.
"О, Боже, может, хватит вам?
Итак нам нечем здесь дышать,
Минут осталось всего пять!"
Уселись. Едем. Воздух жаркий
Стоит, как будто в бане пар.
"Скорей б дойти, и сразу в ванну!"
Пригорское, конечно, дар,
И дар прекрасный, без сомнений:
Шам пенье птиц, уют для лени,
Шалаш из ели, даже дуб!
Но мне дороже всё же звук,
Кондиционера, что в работе
Нам ветер ласковый даёт,
Ломает жара жуткий гнет...
Кондиционер нам дали боги!
Что за машина, чудеса!
Ах, сколько жизней ты спасла?
И вот мы наконец-то дома!
Я сразу же валюсь в кровать,
Меня зовёт к Морфею дрема,
Какое счастье это — спать!
Я слышу шум воды и ветра,
И ласка солнечного света
Уж не тревожит: жалюзи
Закрываются плотно. Тёмен мир.
И уж не слышу ничего, не вижу,
Я сплю спокойно. Хорошо.
На этом миге себя всё ж
Оставляю. Завтра, я предвижу,
Меня уж новый ждёт поход.
Он в дальний путь меня зовёт.